

«Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Рассмотрена категория «провокация» в качестве судебно-экспертного лингвистического понятия, т. е. междисциплинарного понятия, занимающего промежуточное положение между правовой категорией «провокация» и одноименным лингвистическим феноменом. Выработано экспертное понятие «речевая провокация» посредством экспертологического анализа, где категория «провокация» рассматривается в правовом, лингвистическом и экспертном аспектах. В рамках рассмотрения этой категории в экспертном аспекте установлено соотношение правовой нормы и лингвистического феномена, сделан вывод, что в качестве экспертного лингвистического понятия в экспертизах по делам о коррупции выступает понятие «речевая провокация предложения/дачи взятки». В данном случае речевая провокация понимается как речевое действие – побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взятки)». В статье также рассмотрен методический аспект установления речевой провокации.

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, правовые понятия, лингвистические понятия, экспертные понятия, экспертологический анализ, речевая провокация*

Для цитирования: Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

"Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses the category of “provocation” as a forensic term that is an interdisciplinary concept in between the legal and linguistic concepts of “provocation”. An expert term “speech provocation” has been developed through an expert analysis where the category of “provocation” has been considered from the legal, linguistic, and expert perspectives. As a part of the consideration of the concept in the expert aspect, the relationship between the legal and linguistic categories has been established. The author concluded that as an expert linguistic term in examinations in corruption cases, the term “speech provocation for an offer/payment of a bribe” is used. In this case, the speech provocation is interpreted as a verbal act which incites one of the communicators to commit an unlawful act – to bribe. That is the linguistic contents of the phenomenon legally called “crime provocation”. The article also addresses the methodological aspect of the detection of speech provocation.

Keywords: *forensic linguistics, legal concepts, linguistic concepts, expert concepts, expert analysis, speech provocation*

For citation: Kuznetsov V.O. "Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

Введение

В последнее время в судебно-экспертных учреждениях Минюста России наблюдается значительное увеличение количества судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам коррупционной направленности, прежде всего по статьям 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На разрешение эксперта по этой категории дел, как правило, ставятся такие вопросы, как «Идет ли в разговоре речь о денежных средствах, их передаче?», «Каково предназначение денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к передаче денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к принятию денежных средств?».

Последний вопрос также может быть поставлен на разрешение эксперта в случае назначения экспертизы по уголовным делам, возбужденным по статье 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». В данном случае установленное экспертом побуждение к принятию денежных средств может рассматриваться правоприменителем как провокация.

Как показывает экспертная практика, эксперт при проведении экспертиз по делам, возбужденным по статьям 290 и 291 УК РФ, часто сталкивается с провокацией в несколько ином понимании, что связано с предложением передачи денежных средств от одного коммуниканта другому; при этом данное предложение вызвано определенными действиями коммуниканта, которому денежные средства предлагают.

В настоящее время в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России не существует единого методического подхода к выявлению провокации путем применения специальных лингвистических знаний. Это по большей части объясняется отсутствием выработанного экспертного понятия «провокация».

Попытаемся рассмотреть категорию «провокация» как судебно-экспертное лингвистическое понятие. В соответствии с теорией экспертных понятий, сложившейся в судебной психологической экспертизе, выработать экспертное понятие возможно посредством экспертологического анализа

[1, 2], в ходе которого устанавливается соотношение правового понятия и стоящей за ним категории базовой науки – в рассматриваемом нами случае – лингвистической категории речевой провокации. Исходя из этого прежде всего необходимо установить, как определяется понятие «провокация» в праве.

Понятие «провокация»: правовой аспект

В уголовно-правовом законодательстве понятие провокации сформулировано только в статье 304 УК РФ: попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Как видно из приведенного определения, под провокацией, по сути, понимается неречевое действие – попытка передачи имущества или оказания услуг имущественного характера. При этом согласно комментариям к данной статье УК РФ попытка передачи может сопровождаться и речевыми действиями, например уговорами: «Действия лица, не осознающего провокации, поддавшегося уговорам и принявшего указанные предметы, могут квалифицироваться как покушение на совершение преступлений, предусмотренных ст. 204 или 290 УК» [3]. Таким образом, в ныне действующем УК РФ содержится узкое понимание провокации, связанное с попыткой передачи провоцирующим лицом имущества или оказания услуг имущественного характера провоцируемому лицу.

В советское время в Уголовных кодексах РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г. и 1926 г. имелась норма «провокация взятки», содержащая более широкое понимание провокации. Так, в УК РСФСР 1922 г. провокация взятки определялась как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку» [4, с. 130], а в УК РСФСР 1926 г. – «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях по-

следующего изобличения давшего или принявшего взятку» [там же, с. 279]. Данное определение провокации в определенной мере близко современному ее пониманию, нашедшему отражение в ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Согласно данной статье органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). То есть провокация в данном случае понимается по большей части как некое речевое действие со стороны провоцирующего, направленное на совершение провоцируемым противоправных действий.

Указанная норма в ФЗ «Об ОРД» появилась вследствие вынесения Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) Постановления «Ваньян против Российской Федерации», в котором приведены признаки полицейской провокации: «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления»¹. В других Постановлениях ЕСПЧ понятие полицейской провокации раскрывается через воздействие. Например, в Постановлении «Раманаускас против Литвы» сообщается следующее: «Провокация со стороны полиции имеет место при участии сотрудников полиции – как сотрудников правоохранительных органов, так и агентов, действующих по их указаниям, – которые не ограничивают себя расследованием преступной деятельности в пассивной форме, но применяют воздействие такого характера, которое провоцирует совершение преступления и которое в ином случае не было бы совершено, с целью установления преступления, то есть получения доказательств и возбуждения уголовного преследования»². В постановлениях ЕСПЧ понятие «провокация» также определяется через давление, влияние. Таким образом,

термины «провокация», «подстрекательство», «воздействие», «давление», «влияние» используются судом как синонимичные.

Определение полицейской провокации ЕСПЧ соотносится с одним из пониманий этой категории в зарубежном уголовном праве в целом, согласно которому провокация представляет собой акт подстрекательства одним человеком другого к тому, чтобы последний совершил преступление [5, с. 1241]. При этом имеется и иное понимание, связанное с такими действиями провоцирующего, которые вызывают определенную эмоциональную реакцию у провоцируемого (лишение самообладания, потеря самоконтроля), в результате чего провоцируемый «в пылу страсти» совершает преступное деяние, при этом данное деяние выступает как акт мести [5–7].

Возвращаясь к отечественному законодательству, необходимо отметить, что Верховный суд Российской Федерации вслед за ФЗ «Об ОРД» в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012) раскрывает провокацию аналогично, т. е. через подстрекательство, склонение, побуждение: «Под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ³)».

В уголовно-правовой науке провокация рассматривается неоднозначно. Ряд ученых определяют провокацию через побуждение, подстрекательство провоцируемого лица к совершению преступления. Так, Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров определяют провокацию как «подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т. п. к действиям, которые могут повлечь тяжкие последствия» [8, с. 336]. В.Д. Иванов и В.А. Черепяхин отмечают: «Именно стремление лица побудить к совершению преступления, а затем передать подстреканное лицо после совершения им преступления органам правосудия и образует провокацию преступления» [9].

¹ Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 «Дело “Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации”» (Жалоба № 53203/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2006.

² Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 «Дело “Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы”» (Жалоба № 74420/01) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 8.

³ Оперативно-розыскных мероприятий. – *Прим. авт.*

Е.С. Дубоносов под провокацией преступления понимает «активные действия субъектов по умышленному побуждению лица, не имевшего преступного умысла, к совершению преступления» [10, с. 12].

О.А. Вагин и С.Д. Демчук рассматривают провокацию как склонение лица к совершению преступления: «провокация преступления, т. е. склонение к его совершению лиц, не обнаруживших противоправных намерений» [11, с. 218]; «провокацией преступления является склонение другого лица к совершению преступления любым способом, направленным на формирование и реализацию конкретного (определенного) умысла, в целях привлечения к уголовной ответственности, дискредитации или шантажа этого лица» [12].

А.А. Мастерков понимает провокацию преступления как «вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью наступления вредных для этого лица последствий»⁴. Через понятие «вовлечение» провокацию преступления определяет и А.Д. Назаров: «Провокацией преступления признается вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью возбуждения против него уголовного преследования» [13, с. 15].

Более обобщенно провокацию определяет С.Н. Радачинский – это «умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на моделирование такого поведения другого человека, которое имело бы все внешние признаки преступления, с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения, если при этом деяние провоцируемого фактически не обладает признаками виновности»⁵. В данном случае провокация рассматривается как деятельность провоцирующего лица без конкретизации вида деятельности (физическое действие или речевое действие).

Таким образом, понятие «провокация» в праве определяется неоднозначно. Вместе с тем для настоящего исследования существенно, что провокация рассматривается преимущественно как действие, осуществляемое посредством речи, и описывается как побуждение в различных формах (собственно побуждение, склонение, подстре-

кательство), реализуемое как прямо, так и косвенно.

Понятие «провокация»: лингвистический аспект

Чтобы рассмотреть категорию «провокация» в лингвистическом аспекте, прежде всего необходимо обратиться к данным толковых словарей русского языка, в которых приводятся дефиниции слова «провокация» в качестве элемента повседневного языка. Приведем лишь те словарные толкования, которые можно соотнести с пониманием провокации преступления в праве⁶.

ПРОВОКАЦИЯ. [латин. *provocatio* — вызов]. 2. Умышленный вызов, подстрекательство с какой-н. целью. *Открытая провокация войны фашистами. В этом вопросе скрывалась провокация* [14, с. 906–907].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Действие, направленное против отдельных лиц, групп, государств и т. п. с целью вызвать ответное действие, влекущее за собой тяжелые или губительные для них последствия [15, с. 980–981].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Подстрекательство, побуждение кого-л. (отдельных лиц, групп, организаций и т. д.) к таким действиям, которые повлекут за собой тяжелые, губительные для них последствия. *Военная провокация* [16, с. 472].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия. *Устроить провокацию. Не поддаваться на провокацию* [17, с. 563].

ПРОВОКАЦИЯ. 2. Подстрекательство, побуждение кого-л. к действиям, которые могут повлечь тяжелые для него последствия. *Втянуть в провокацию кого-л. Организовать провокацию* [18, с. 1002].

Из приведенных толкований слова «провокация» видно, что оно понимается как определенное действие или поведение одного лица, вызывающее совершение действия другим лицом, и толкуется через слова «действие», «побуждение», «подстрекательство», «вызов», «поведение».

Согласно «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» глаголы «провоцировать», «подстрекать», «побуждать» являются синонимами с общим значением побуждения к действию. Наряду с данными глаголами в синонимический

⁴ Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 18 с. (С. 16.)

⁵ Радачинский С.Н. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 28 с. (С. 12).

⁶ Исключены толкования слова «провокация» как медицинского термина, а также обозначения этим словом природных явлений.

ряд глаголов, выражающих такое значение, входят глаголы, «подталкивать», «толкать», «убеждать», «уговаривать», «уламывать», «агитировать», «призывать», «взывать», «подговаривать», «подбивать», «подзуживать», «подначивать». Кроме того, в данный синонимический ряд включен глагол «склонять» [19, с. 369]. Как отмечалось выше, склонение, так же как побуждение и подстрекательство, является одной из форм проявления провокации в правовом понимании.

Глагол «побуждать» в синонимическом ряду выражает общее для всех включенных в этот ряд значение «*X побуждает Y-а к Р = 'желая, чтобы Y сделал Р, и считая, что действие Р может быть причиной того, что Y сделает Р, X делает Р'*». Обладая данным общим значением, глагол «побуждать» может употребляться вместо любого из глаголов синонимического ряда с утратой каких-либо оттенков значения, но при этом без нарушения правильности высказывания [там же].

Глаголы «подстрекать» и «провоцировать» рассматриваемого синонимического ряда реализуют общее значение, выраженное глаголом «побуждать», при этом их значение осложнено оценочным компонентом: имеет место отрицательная оценка действия, к которому побуждается объект, и такая же оценка самого акта побуждения [там же, с. 371]. Кроме того, глагол «провоцировать» не исключает, «что объект или адресат этих действий может сам хотеть сделать то, к чему его побуждают, но от чего он удерживается» [там же].

Входящий в этот же синонимический ряд глагол «склонять» выражает значение, подобное значению глагола «убеждать», который «ориентирован на изменение намерений адресата с тем, чтобы он совершил нужный поступок» [там же, с. 1172].

Возвращаясь к приведенным выше толкованиям слова «провокация», необходимо отметить, что значения данного слова, а также примеры, иллюстрирующие его употребление в речи, свидетельствуют о способе совершения провокации: посредством речи (*В этом вопросе скрывалась провокация*) и посредством определенных физических действий (*Открытая провокация войны фашистами; военная провокация*).

Такое разграничение способов реализации провокативных действий является традиционным в исследованиях, посвященных феномену провокации. Так, И.М. Дзяло-

шинский и Р.В. Жолудь выделяют три группы средств, используемых при осуществлении провокации: провокативные действия, провокативные тексты и провокативные речи [20]. Провокативные речи, в свою очередь, ученые разделяют на два типа: «Первый тип рассчитан на провоцирование адресата на действие, которое необходимо или заранее известно провокатору. Второй тип предусматривает получение в ответ какой-либо информации – или известной провокатору, или неизвестной (в этом случае говорят о “выпытывании” сведений)» [там же]. Для ситуации провокации преступления наибольший интерес представляют именно провокативные речи, причем обоих типов.

Речевая провокация как лингвистический феномен в настоящее время достаточно хорошо описан в традиционных для науки о языке терминах «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевое воздействие» и др.

В.Н. Степанов рассматривает данное явление сквозь призму теории речевых жанров как «комплексное жанровое образование» «в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нем интенциональное состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента» [21]. Ученый отмечает, что провокация в речи проявляется как провокативная стратегия – комплекс интенций говорящего, составляющий программный блок, и «последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокативных жанров) до того момента, пока не будет достигнут ожидаемый провокативный эффект» [там же]. По мнению В.Н. Степанова, можно говорить о существовании провокативной деятельности как особого вида речевой деятельности [22].

Е.Н. Зарецкая определяет речевую провокацию в риторическом аспекте – как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [23, с. 48]. Она рассматривает провокационную речь как подчиняющее прямое воздействие: «человека вынуждают помимо

его воли передать некоторую информацию» [24].

По мнению О.С. Иссерс, провокация представляет собой провокационную речевую стратегию, определяемую как «конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [25]. Провокация как речевая стратегия реализуется посредством речевых тактик. Например, провокационная речевая стратегия, направленная на выведение информации, выполняется через следующие речевые тактики: «игра по правилам», «частичный запрос», «установление связей и отношений», «наведение темы», «принуждение через обвинение, или игра без правил», «апелляция к слухам», «комплимент» [там же].

Как коммуникативную стратегию определяет провокацию и О.С. Волкова: «коммуникативная провокация – это стратегия деструктивного поведения, нацеленная на вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения» [26].

Аль Губури (Basim Y. Jasim Al Guburi) рассматривает речевую провокацию как речевой акт. Вслед за Дж. Остином [27] ученый выделяет в речевом акте три уровня: локутивный акт, иллокутивную силу и перлокутивный эффект: «Провокацию следует рассматривать как словесное действие (локутивный акт), имеющее специфическую функцию (иллокутивная сила) оскорбления или гнева и приводящее к специфическому эффекту (перлокутивная сила) провоцирования, заставляющему кипеть кровь и, возможно, побуждающему провоцируемого к совершению преступления» [28]. Он отмечает, что провокация является преднамеренным речевым актом, который может быть прямым или косвенным. В последнем случае провокация реализуется посредством различных форм непрямого общения, наиболее провокативными из которых являются намеки, инсинуации и предложения передать больше того, что сказано. При этом говорящий в большинстве случаев предполагает, что его собеседник поймет его, но он не уверен, каким будет ответ [там же].

Таким образом, приведенные толкования слова «провокация» как элемента повседневного языка, а также определения провокации в качестве лингвистического

феномена свидетельствуют, что провокацию в лингвистическом аспекте можно описать как волеизъявление. Например, в понимании этой категории М.Г. Безяевой волеизъявление связано с желанием одного коммуниканта воздействовать на другого коммуниканта (или третье лицо) в целях изменить ситуацию: «Под волеизъявлением мы понимаем выражение желания говорящего каузировать действие при наличии его (непосредственного) исполнителя либо слушающего, способного довести до сведения третьего лица желание говорящего и тем самым каузировать его действия с целью изменения ситуации» [29, с. 13]. При этом каузация включает два параметра: параметр причины, толчка к изменению ситуации и параметр воздействия [там же].

Существенным для провокации как лингвистического феномена является и то, что она большей частью представляет собой сложное действие, складывающееся из ряда более простых. В этой связи неслучайно, что многие авторы рассматривают провокацию как речевую стратегию – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [30, с. 54].

Понятие «провокация»: экспертный лингвистический аспект

Возможность решения в рамках судебной лингвистической экспертизы вопроса о наличии/отсутствии в разговоре признаков провокации в настоящее время не определена. Так, авторы монографии «Судебная лингвистика» считают, что этот вопрос пока что не может быть решен путем использования специальных лингвистических знаний, поскольку, во-первых, понятие «провокация» имеет правовой и психологический характер, во-вторых, провокация рассматривается авторами как перлокутивная составляющая коммуникации, которая относится к результату речевого общения и является ненаблюдаемым и не восстанавливаемым категорично значением, и в-третьих, в настоящее время отсутствуют апробированные лингвистические методы для выявления в рамках экспертизы феномена провокации [31, с. 275]. В то же время Т.В. Варлакова рассматривает провокацию как юридико-лингвистическую категорию, выявление которой в рамках судебной лингвистической экспертизы возможно. По ее мнению, на разрешение эксперта могут быть поставлены следующие вопросы:

«Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивно-го предписания к действиям в пользу кого-либо из участников разговора, высказанные в адрес другого(-их) участника(-ов) и свидетельствующие о возможной провокации? Если да, то какие именно, в какой форме, от кого исходят и кому адресованы?»; «Имеются ли признаки речевой провокации в высказываниях побудительного характера в адрес собеседника со стороны кого-либо из участников разговоров к совершению каких-либо действий? Если да, то какие именно провокационные высказывания выявлены и в какой форме (прямого побуждения, констатации необходимости или иной)?» [32].

Рассмотрение провокации как юриди-ко-лингвистической категории, т. е. в меж-дисциплинарном аспекте, близко к ее по-ниманию в качестве экспертного понятия. Как указывалось выше, для выработки экс-пертного понятия «провокация» необходим экспертологический анализ, предполагающий установление соотношения правовой нормы и лингвистического феномена.

Повторим, что правовое понимание про-вокации преступления раскрывается в ФЗ «Об ОРД»: провокация – это подстрекатель-ство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противо-правных действий. То есть провокация в праве определяется через синонимиче-ский ряд «подстрекательство, склонение, побуждение». При этом одно из этих поня-тий – «побуждение» – является собственно лингвистическим, а два других – «подстре-кательство» и «склонение» – таковыми не являются, но при этом раскрываются через побуждение, выступая в качестве его раз-новидностей.

Как было установлено, лингвистическая категория «провокация» представляет со-бой волеизъявление одного коммуниканта, направленное на совершение другим ком-муникантом нежелательных для него дей-ствий. Указанное понимание провокации в лингвистическом аспекте не несет инфор-мации о его юридическом значении, а также о правовых последствиях установления это-го феномена в рамках экспертизы, возмож-ности правовой квалификации действий провоцирующего. Данное лингвистическое понятие достаточно широкое и охватыва-ет большое количество сфер и ситуаций (провокативный дискурс). Для его приме-нения в экспертной практике оно должно

быть трансформировано, адаптировано. Такая адаптация возможна путем выделе-ния из всех ситуаций, охватываемых про-вокативным дискурсом, более узкого круга значимых для уголовно-правовой квали-фикации ситуаций, например ситуации дачи/получения взятки, коммерческого подкупа. Для данной ситуации значимыми являются такие действия, к которым провоцируется коммуникант, как дача взятки, предложение взятки.

Исходя из установленного соотношения правового понятия «провокация» и одно-именной лингвистической категории можно сделать вывод, что в качестве экспертного лингвистического понятия в экспертизах по делам о коррупции выступает понятие «ре-чевая провокация предложения/дачи взят-ки». В данном случае речевая провокация понимается как речевое действие – побуж-дение одним коммуникантом другого ком-муниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взят-ки)».

Проведенный экспертологический ана-лиз можно представить в виде схемы (см. рис.).

Установление речевой провокации: методический аспект

В настоящее время в рамках судебной лингвистической экспертизы не существу-ет утвержденных, апробированных методик установления речевой провокации. Вме-сте с тем имеется ряд работ научно-методи-ческого характера (например, [32–38]), где авторы предлагают методические подходы к установлению данного явления. Они сводятся к установлению побуждения одним собеседником другого собеседника к при-нятию, получению взятки или ее предложе-нию: «При производстве лингвистической экспертизы по делам о получении взятки <...> языковед определяет наличие или от-сутствие в представленных словесных ма-териалах побудительных высказываний, имеющих провокационный характер в от-ношении лица, получившего взятку. Цель речевой провокации – побуждение собе-седника к действиям и высказываниям, ко-торые могут нанести ущерб его интересам. <...> Побудительное высказывание, име-ющее провокационную направленность, мо-жет выступить в качестве способа прово-

Рис. Экспертологический анализ понятия «провокация»
Fig. Expert analysis of the concept "provocation"

кации взятки» [32]. При этом во всех работах отмечается, что речевая провокация, в отличие от простого, прямого побуждения, представляет сложное явление, связанное с речевым воздействием: «Провокация предполагает манипулятивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций; она ориентирована на вызов у собеседника желаемого говорящему психологического состояния; являет собой комплексное образование» [35]; «Провокация представляет собой коммуникативное событие, в структуру которого включены такие элементы, как прямое, косвенное или скрытое побуждение, разного рода тактики прямого и скрытого суггестивного воздействия» [38].

Указанная специфика речевой провокации определяет выбор методов исследования. А.Н. Баранов предлагает в данном случае использовать методы анализа коммуникативной, содержательной и количественной активности участника диалога и дополнить их методами семантического анализа: «Следует отметить, что сам по себе анализ активности участника в рамках той или иной темы общения недостаточен и должен быть дополнен исследованием эксплицитной (пропозициональной) составляющей диалога, а также изучением скрытых, косвенных и неявных способов передачи семантики» [34]. Е.И. Галяшина предлагает применять различные методы лингвистического анализа: «семантические, грамматические, стилистические, коммуникативно-прагматические и дискурсивные» [35].

Опираясь на существующий опыт разработки методических подходов к выявлению речевой провокации и положения теории экспертных понятий, рассмотрим методический аспект установления речевой провокации как судебно-лингвистического экспертного понятия.

При провокации в речи говорящего (провоцирующего) имеет место непрямая коммуникация: предмет речи (т. е. негативные для адресата действия, которые ему необходимо совершить в сложившейся ситуации) явно не назван⁷, речевая цель также выражена неявно, а путем реализации различных речевых целей, «работающих» на общую цель – побуждение собеседника к даче или предложению со стороны последнего взятки. В связи с этим в методическом аспекте важным является установление комплекса речевых тактик, реализующих стратегию речевой провокации.

Обобщение практики производства судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз, в которых решались вопросы о наличии/отсутствии в речи коммуникантов речевой провокации, а также анализ литературы ([32–34, 37]) показали, что набор тактик, реализующих провокативную стратегию, в целом однообразен. Это по большей части объясняется типичностью коммуникативной ситуации провокации взятки: в разговоре, как правило, участвуют два собеседника, один из которых (X) имеет проблему,

⁷ При отсутствии коммуникативной неудачи действия называются адресантом.

но не имеет возможности решить ее законным путем, а второй (Y), по мнению X, имеет возможность (полномочия) эту проблему решить. При этом Y фиксирует разговор посредством аудио- или видеозаписи. При намерении спровоцировать X речевое поведение Y направлено на подведение X к единственному способу решения проблемы последнего – незаконному – путем дачи или предложения им взятки.

Исходя из описанных особенностей данной коммуникативной ситуации можно выделить следующие речевые ходы.

– Инициирование провоцирующим темы способа решения проблемы провоцируемого, поддержание этой темы, возвращение к ней. Эта тактика в основном выражается посредством вопросов о способе решения проблемы: *Как мы определимся? Что вы предлагаете? Как решать будем?* В большинстве случаев повторяется один и тот же вопрос. Т. е. имеет место содержательная активность провоцирующего.

– Негативная оценка провоцирующей ситуации, сложившейся у провоцируемого. Как правило, провоцирующий либо дает оценку перспектив в деле провоцируемого, сообщает о негативном прогнозе (имеют место оценочные суждения типа *Плохи ваши дела*), либо говорит о сложности решения проблемы, зависимости ее решения от многих людей (*Вопрос решить трудно, но можно*).

– Предложения со стороны провоцирующего по решению проблемы, которые заведомо не устраивают провоцируемого в сложившейся ситуации.

– Упреки со стороны провоцирующего в связи с тем, что провоцируемый отказывается принять его предложения по решению проблемы: *Я уже вам все предложил, а вы отказываетесь*.

– Намеки провоцирующего на необходимость предложения провоцируемым денег (*Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь; Договоримся; Нужны более веские аргументы*).

Кроме того, провоцирующий в случае коммуникативной неудачи может отступать от ситуации официально-делового общения, что проявляется в изменении тональности общения, проявлении фамильярности, переходе на «ты» и т. п.

Вместе с тем выявление данных тактик должно проводиться с учетом особенностей коммуникативного взаимодействия собеседников, содержания реплик второ-

го коммуниканта. Необходимо обращать внимание на коммуникативную и содержательную активность провоцируемого в отношении темы денег, взятки: для ситуации речевой провокации данная тема не должна быть изначально инициирована провоцируемым лицом, а должна появиться вследствие действий провоцирующего.

Проиллюстрируем реализацию речевой провокации и установление ее как судебно-лингвистического экспертного понятия на следующем примере.

Обстоятельства дела: коммуникант X (руководитель фирмы, выполнившей работы по договору) приходит к коммуниканту Y (должностное лицо) с целью добиться принятия работ, несмотря на выявленные недостатки.

Основной коммуникативной целью коммуниканта X в разговоре является убеждение коммуниканта Y в необходимости согласования актов выполненных работ по указанному договору в кратчайшие сроки, о чем свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении темы недостатков, выявленных в работе его фирмы, их незначительности, легкой устранимости; акцентирование внимания на личном участии в урегулировании ситуации (приехал лично на автомобиле), обещание устранить недостатки, аргументация.

Коммуникативные параметры речи Y по большей части обусловлены особенностями коммуникативной ситуации: Y знал, что к нему должен прийти X со своей проблемой, вел скрытую запись их беседы. В речи Y реализуются следующие коммуникативные цели:

– информирование о замечаниях, выявленных в работах, выполненных фирмой X;

– информирование о негативных последствиях в случае неподписания актов выполненных работ по договору – возврат денежных средств в бюджет;

– предложение невыгодных для X решений его проблемы путем заключения дополнительного соглашения или предоставления заказчику банковской гарантии на сумму контракта;

– информирование о негативных последствиях для коммуниканта X – направлении претензии в контролирующий орган, решении проблемы в судебном порядке, в результате чего фирма коммуниканта X проиграет в суде;

– побуждение коммуниканта X предложить свой вариант (*Так предложите свой вариант!*) после перечисления и обсуждения

возможных вариантов, которые не устраивают коммуниканта X.

Указанные коммуникативные цели, выраженные в речи коммуниканта Y, исходя из содержания и композиции разговора в целом, представляют речевые тактики, с помощью которых реализуется речевая стратегия побуждения (речевой провокации) к действию коммуниканта X, а именно предложения со стороны последнего передать деньги (часть от суммы договора) с целью ускорения коммуникантом Y согласования актов выполненных работ по договору. Данное побуждение выражено в форме предложения (*Так предложите свой вариант!*).

О реализации данной стратегии в речи коммуниканта Y также свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении обстоятельств передачи денег ему от X: он инициирует эту тему, выдвигает свои условия передачи денег, при этом настаивает на принятии своих условий, соглашается на получение денег от X. Его требования характеризуются категоричностью (о чем свидетельствует использование интонационной конструкции ИК-2⁸ модальной реализации).

⁸ В соответствии с типологией интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
2. Сафуанов Ф.С. Принципы клинично-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Сост. А.А. Герцензон; Под ред. И.Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.
5. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
6. Ashworth A.J. The Doctrine of Provocation // *The Cambridge Law Journal*. 1976. Vol. 35. Issue 2. P. 292–320. <https://doi.org/10.1017/S0008197300012046>
7. Virgo G. Defining Provocation // *The Cambridge Law Journal*. 1999. Vol. 58. Issue 1. P. 7–10. <https://doi.org/10.1017/S0008197399231017>

Заключение

Путем проведения экспертологического анализа нами выработано экспертное понятие «речевая провокация», которое понимается как речевое действие – побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взятки)».

Методически важным при выявлении речевой провокации является учет того, что данное явление представляет собой сложное речевое действие – коммуникативную стратегию, реализующуюся посредством комплекса речевых тактик.

Представляется, что с учетом характера феномена провокации как сложного комплексного явления, связанного с речевым воздействием, в экспертном плане его целесообразно рассматривать не столько как судебно-лингвистическое, а как психолого-лингвистическое экспертное понятие. Психологический аспект этой категории рассмотрен в работе Т.Н. Секе-раж [40].

REFERENCES

1. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118> (In Russ.)
2. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
3. Esakov G.A. (ed). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 7th ed. Moscow: Prospekt, 2017. 736 p. (In Russ.)
4. Gertsenzon A.A. *Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and RSFSR in 1917–1952* / I.T. Golyakov (ed). Moscow: Gosyurizdat, 1953. 464 p. (In Russ.)
5. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
6. Ashworth A.J. The Doctrine of Provocation. *The Cambridge Law Journal*. 1976. Vol. 35. Issue 2. P. 292–320. <https://doi.org/10.1017/S0008197300012046>
7. Virgo G. Defining Provocation. *The Cambridge Law Journal*. 1999. Vol. 58. Issue 1. P. 7–10. <https://doi.org/10.1017/S0008197399231017>

8. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.
9. Иванов В.Д., Черепакхин В.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29–32.
10. Дубонос Е.С. Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Лекция. М.: Кн. мир, 2002. 35 с.
11. Вагин О.А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) / Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. Сб. материалов Всерос. круглого стола (3 ноября 2011 г.) / Сост. К.Б. Калиновский. СПб.: Петрополис, 2012. С. 7–68.
12. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 103–110.
13. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 150 с.
14. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: П – Ряшка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов. слов., 1939. 1424 стб.
15. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 11: Пра – Пятью / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: АН СССР, 1961. 1842 стб.
16. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3. П – Р / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИНФОРТЕХ, 2010. 874 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
19. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Вена: Языки славян. культуры, 2004. 1417 с.
20. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 62–81.
21. Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.
22. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
23. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. 480 с.
24. Зарецкая Е.Н. Провокационная речь / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Меж-
8. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Legal Encyclopedia*. Moscow: Yurinformsentr, 1997. 525 p. (In Russ.)
9. Ivanov V.D., Cherepakhin V.A. Provocation of a Crime. *Russian Investigator*. 2013. No. 14. P. 29–32. (In Russ.)
10. Dubonosov E.S. *Provocation to Bribery or Commercial Bribery. Lecture*. Moscow: Kn. mir, 2002. 35 p. (In Russ.)
11. Vagin O.A. Constitutional Issues of the Police Work (Scientific Report). *Constitutional and Legal Issues of the Police Work. Collection of Materials of the All-Russian Roundtable (November 3, 2011)* / K.B. Kalinovskii (contributor). Saint Petersburg: Petropolis, 2012. P. 7–68. (In Russ.)
12. Demchuk S.D. To the Question of Provocation of Crimes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015. No. 2 (32). P. 103–110. (In Russ.)
13. Nazarov A.D. *Entrapment in Police Work*. Moscow: Yurlitinform, 2010. 150 p. (In Russ.)
14. Ushakov D.N. (ed). *Russian Language Dictionary. In 4 Volumes. Vol. 3: P – Ryashka*. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov, 1939. 1424 stb. (In Russ.)
15. Chernyshev V.I. (ed). *Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 Volumes. Vol. 11: Pra – Pyat'yu*. Moscow, Leningrad: AN SSSR, 1961. 1842 stb. (In Russ.)
16. Evgen'eva A.P. (ed). *Russian Language Dictionary. In 4 Volumes. Vol. 3: P – R*. 4th ed., Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. 750 p. (In Russ.)
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Glossary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow: INFOTEKH, 2010. 874 p. (In Russ.)
18. Kuznetsov S.A. (ed). *The Big Glossary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)
19. Apresyan Yu.D. (ed). *The New Defining Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. 2nd ed. Moscow, Vena: Yazyki slavyan. kul'tury, 2004. 1417 p. (In Russ.)
20. Dzyaloshinskii I.M., Zholid' R.V. Provocation in the System of Communicative Technologies. *Communications. Media. Design*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 62–81. (In Russ.)
21. Stepanov V.N. Provocative Speech Genres as a Means of Indirect Communication, Its Linguistic Entity and Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 89–99. (In Russ.)
22. Stepanov V.N. *Provocation in Social and Mass Communication*. Saint Petersburg: Roza mira, 2008. 268 p. (In Russ.)
23. Zaretskaya E.N. *Rhetoric. Theory and Practice of Verbal Communication*. Moscow: Delo, 1998. 480 p. (In Russ.)
24. Zaretskaya E.N. Provocative Speech. *Digital Linguistics and Intelligent Technology. On the Materials of the Annual International Conference "Dialogue"*. 2000. (In Russ.)

- дународной конференции «Диалог». 2000. <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/zaretskaya/>
25. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
  26. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49–55. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
  27. Остин Дж.Л. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
  28. Al Guburi B.J. Provocation: A Legi-Pragmatic Approach // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2013. Vol. 5 (2). P. 858–878.
  29. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 751 с.
  30. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
  31. Судебная лингвистика. Монография / Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
  32. Варлакова Т.В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33–36.
  33. Вязигина Н.В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции / Функционирование русского языка как государственного в современных условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.). Сб. статей. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 60–64.
  34. Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). С. 43–52.
  35. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 6–14.
  36. Галяшина Е.И., Галяшин Н.В. Использование специальных знаний для разграничения взятки и ее провокации / Специальный выпуск для участников курса очно-дистанционного обучения «Провокация и другие незаконные методы оперативно-розыскной деятельности». Пятигорск – Ставрополь (26 мая 2016 г. – 24 июля 2016 г.). Пятигорск, 2016. <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/zaretskaya/>
  25. Issers O.S. The Strategy of Speech Provocation in a Public Dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009. No. 2 (18). P. 92–104. (In Russ.)
  26. Volkova O.S. Communicative Provocation as a Strategy of Destructive Behaviour in Every-Day Conflict. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2014. No. 5 (24). P. 49–55. (In Russ.). <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
  27. Austin J.L. A Word as an Action. *New in Foreign Linguistics* / Trans. from English. B.Yu. Gorodetsky (ed). Moscow: Progress, 1986. P. 22–129. (In Russ.)
  28. Al Guburi B.J. Provocation: A Legi-Pragmatic Approach. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2013. Vol. 5 (2). P. 858–878.
  29. Bezyaeva M.G. *Semantics of the Communicative Level of the Sounding Language. The Expression of Speaker's Will and Desire in a Russian Dialogue*. Moscow: Moscow State University, 2002. 751 p. (In Russ.)
  30. Issers O.S. *Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech*. 5th ed. Moscow: LKI, 2008. 288 p. (In Russ.)
  31. Matveeva O.N. (ed). *Forensic Linguistics. Monograph*. Barnaul: Kontsept, 2015. 310 p. (In Russ.)
  32. Varlakova T.V. Speech Provocation as the Object of Forensic Linguistic Expertise. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2013. No. 4. P. 33–36. (In Russ.)
  33. Vyazigina N.V. Methodological Framework for Detecting Provocation in Linguistic Expertise in Cases on Corruption. *Functioning of the Russian Language as a State Language in the Current Context. The All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, December 7, 2012). Collection of Articles*. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2013. P. 60–64. (In Russ.)
  34. Baranov A.N. Activity of Participants in a Conversation: Methods of Linguistic Analysis. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, June 4–8, 2014)*. Moscow: RPGU, 2014. Issue 13. (20). P. 43–52. (In Russ.)
  35. Galyashina E.I. Forensic Linguistic Expertise of Corruption Discours: The Subject, Tasks and Competences. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016. No. 2. P. 6–14. (In Russ.)
  36. Galyashina E.I., Galyashin N.V. The Use of Specialized Knowledge to Distinguish a Bribe and Its Provocation. *Special Issue for the Course Participants of Classroom and Online Learning "Entrapment and Other Unlawful Methods in Police Work"*. Pyatigorsk – Stavropol. (May 26, 2016 – July 24, 2016). Pyatigorsk, 2016. (In Russ.)

37. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 245–249.
38. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // *Litera*. 2017. № 1. С. 120–128. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
39. Брызгунова Е.А. Интонация / Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 96–122.
40. Секераж Т.Н. Судебно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. от–до. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>
37. Doronina S.V. “Let’s Agree, Commander!”: The Methods of Discourse Analysis in the Linguistic Examination of Corruption Speech Crimes. *Politicheskaya lingvistika*. 2015. Issue 3 (53). P. 245–249. (In Russ.)
38. Shteba A.A. Linguistic Features of Provocation. *Litera*. 2017. No. 1. P. 120–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
39. Bryzgunova E.A. Intonation. In: Shvedova N.Yu. (ed). *Russian Grammar. In two volumes. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka, 1980. P. 96–122. (In Russ.)
40. Sekerazh T.N. Forensic Psychological Aspects of the Concept “Provocation” in Criminal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. ot–do. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 20.06.2020
После доработки: 15.07.2020
Принята к печати: 23.08.2020

Received: June 20, 2020
Revised: July 15, 2020
Accepted: August 23, 2020